

не соседствовать во времени. Рассмотрение под таким углом зрения отдельно взятого произведения должно установить последовательность «горизонтов» его структуры, уходящую в прошлое. Литературный процесс оказывается исторически расслоенной совокупностью образов, пластов.

Именно второй аспект исторической поэтики и послужит предметом обсуждения в данной статье.

По существу, различие двух аспектов (правда, не до конца проясненное методологически) содержится уже в работах А. Н. Веселовского. «Изучая ряды фактов, — говорил он в лекции «О методе и задачах истории литературы как науки», — мы замечаем их последовательность, отношение между ними последующего и предыдущего; если это отношение повторяется, мы начинаем подозревать в нем известную законность...»³ Вместе с тем Веселовский утверждал, что «сравнительное изучение открыло ... знаменательный факт: это ряд неизменных формул, далеко простирающихся в области истории, от современной поэзии к древней, к эпосу и мифу...»⁴

Если ограничиться отечественной наукой лишь XX в.,⁵ то нужно будет заключить, что П2 получил наивысшее признание в промежутке, очерченном концом 20-х — началом 40-х годов. У этого факта имеется двоякое объяснение. Вполне понятно, что изучение литературного процесса как исторически складывающейся иерархии пластов неизбежно приводит исследователя к вопросу о реконструкции «первообразов» (если воспользоваться термином поэтики Веселовского), или архетипов, которые имеют мифолого-обрядовое происхождение. Отсюда следует, что обострившийся интерес литературоведения к проблематике П2 был во многом предопределен значительнейшими успехами культурной антропологии конца XIX и первой трети XX вв., представленной в это время списком поистине блестящих имен (от Дж. Фрезера до Л. Леви-Брюля на Западе, а в России — именами Л. Я. Штернберга, А. М. Золотарева и многих других).⁶ Но наряду с воздействием смежных наук определяющий толчок сообщила литературоведению и сама литература, которая как раз в начальные десятилетия XX в. обращает особенно пристальное и неформальное внимание на свои мифологические праросновы.⁷

³ А. Н. Веселовский. Историческая поэтика. Редакция, вступительная статья и примечания В. М. Жирмунского. Л., 1940, стр. 47.

⁴ Там же, стр. 51.

⁵ При более глубокой ретроспекции следовало бы начать по меньшей мере с литературных теорий эпохи романтизма.

⁶ Антропология той поры влияла даже на литературу. Так, об идеях «Золотой ветви» Фрезера, как побудительных импульсах для англо-американских писателей XX в., см.: John B. Vickery. The Golden Bough: Impact and Archetype. — In: Myth and Symbol. Critical Approaches and Applications. Ed. by Benice Slote. University of Nebraska Press, Lincoln, 1963.

⁷ Дабы не пересказывать известного, отсылаю к прекрасному изложению этой темы в статье С. Аверинцева «Аналитическая психология К.-Г. Юнга и закономерности творческой фантазии» («Вопросы литературы», 1970, № 3 — особенно см. стр. 136).